

Идеальная форма в психологии развития

Ядерным положением культурно-исторической теории развития является положение о развитии как соотношении реальной и идеальной форм. Л.С. Выготский полагал, что именно это соотношение задает специфику собственно человеческого развития.

В детском развитии идеальная форма, по мысли Выготского, "уже существует" и "взаимодействует" с реальной (Выготский, т.4, с.395). Это положение разделяли все представители школы Выготского, однако на вопросы о том, как существует и как взаимодействует, они давали разные ответы. Это же положение задает и ту проблемную область, которая будет проясняться и уточняться в нашей работе.

Принципиальный ответ на вопрос о способе взаимодействия реальной и идеальной форм дал Л.С. Выготский в понятии о знаковом опосредствовании. Ход его мысли был и остался нетривиальным и неожиданным. Осмысление и переосмысление этого хода и сейчас является чрезвычайно продуктивным.

Л.С. Выготский понимал развертывание психических процессов (и поведения в целом) как переход к новому принципу их порождения. Моделью этого перехода (от натуральной к культурной форме поведения) являлось знаковое опосредствование. В знаковом опосредствовании сами естественно сложившиеся стереотипы поведения становятся предметом изменения и уже в силу этого преодолеваются в качестве естественных — становятся осознанными и произвольными, т.е. человек овладевает собственным поведением.

Знак или, по выражению Л.С. Выготского, стимул-средство является психологическим орудием и, в отличие от материального орудия, нацелен на самую структуру поведения или сам психический процесс, становится средством его построения.

Направленность знака извне внутрь, во-первых, и связанную с этим реконструкцию и объективацию "внутреннего", его вынесение вовне, во-вторых, Выготский считал центром "работы" знака (стимула-средства). Именно этот способ построения высших психических функций или, что то же самое, культурных форм поведения, является, по Выготскому, их центральной, порождающей и специфицирующей характеристикой, принципиально отличающей их от натуральных форм.

Итак, идеальная форма, по Л.С. Выготскому, существует как культура, работает как стимул-средство или знак, т.е. элемент культуры, посредством которого реконструируются и объективируются натуральные, как бы вне действующего человека, сложившиеся формы поведения. Человек овладевает своим поведением, заново его порождая. Порождающий свое поведение человек становится его субъектом. Именно в работах Выготского субъектность не понимается натурально, не допускается некритически при описании поведения, а последовательно теоретически и экспериментально воссоздается. Выделяется та точка, тот момент в жизни человека, в котором он становится субъектом этой жизни. Возвращаясь к нашему исходному отношению, можно сказать, что "точка встречи" идеальной и реальной форм специфична и знаменательна тем, что в ней происходит возникновение субъекта поведения. И с другой стороны, указание на субъекта и субъектность предполагает конструирование (теоретическое и экспериментальное) взаимоперехода реальной и идеальной форм.

Порождение человеком формы своего поведения, т.е. субъектность — центр теории Л.С. Выготского, задающий ее внутренний смысл и пафос. Это та основная теоретическая конструкция, относительно которой имеет смысл соглашаться, критиковать или отрицать. Существенным и нетривиальным в этой конструкции является то, что субъект и субъектность полагаются не как указание на кого-то, чье поведение наблюдается — субъект здесь не "некто", он не наличен. Выготский указывает не на индивида (или группу индивидов), а на его (их) способ ("режим") жизни.

Субъект есть, бытийствует тогда, когда выражен и объективирован сам сдвиг, переход от натуральной к культурной форме — переход к превращению своего поведения в предмет, к использованию средств обнаружения и видения своего поведения вне себя.

Именно то обстоятельство, что в теории Л.С. Выготского сознание и субъектность находятся вне индивида, позволило Д.Б. Эльконину говорить о ней как о неклассической психологии (1989, с.469-478).

Переход "натуральное — культурное" понимается Выготским как преодоление натуральной формы, причем достаточно энергичное. Это вовсе не постепенный, эволюционный процесс, а именно сдвиг и скачок, в котором натуральная и культурная (реальная и идеальная) формы вступают в конфликты и коллизии. В работе "Развитие высших функций", анализируя развитие арифметических операций, Л.С. Выготский пишет: "Почти всегда возникают чрезвычайно ответственные моменты в развитии ребенка, всегда происходит столкновение его арифметики с другой формой арифметики, которой его обучают взрослые. Педагог и психолог должны знать, что усвоение ребенком культурной арифметики является конфликтным.

Иначе говоря, здесь развитие заключается в известном переломе, в известном столкновении, в известной коллизии между теми формами оперирования с количеством, которые ребенок выработал, и теми, которые ему предлагают взрослые". И далее: "Момент, когда ребенок от непосредственной реакции на количество переходит к отвлеченным операциям над знаками, и является моментом конфликтным" (Собр. соч., т. 3, с.202-203).

Указанные конфликты и коллизии, связанные со становлением субъектности — преодолением наличной, натуральной формы поведения, — имеют, по наблюдениям Л.С. Выготского, достаточно яркую субъективную окраску.

Преодоление натурального в культурном, понятое как опосредствование, нельзя было изучать в классическом психологическом эксперименте. Классический эксперимент, связанный с регистрацией поведения при решении

определенной задачи, хорошо приспособлен как раз для изучения уже сложившихся и функционирующих, т.е. наличных и, следовательно, натуральных форм поведения. Опосредствование же требует построения работы знака. Здесь вне построения невозможно изучить строение.

Адекватным предмету методом экспериментирования является построение опосредствования и тем самым воссоздание "конфликтов и коллизий" в становлении субъектности — того "скачка" и "перелома", в котором рождается субъект поведения. Этот новый метод был назван Л.С. Выготским экспериментально-генетическим, генетико-моделирующим, или объективирующим. В последнем названии имелось в виду то, что построение опосредствования позволяет выделить механизмы, скрытые при непосредственном наблюдении и регистрации внешних проявлений поведения.

Экспериментально-генетический метод давал возможность воспроизвести происхождение и становление культурной формы поведения. По самой своей сути и природе эта форма оказывалась результатом "вращивания" психологического орудия (знака), а не эволюции наличных, естественных способов функционирования. Первый этап — начало "вращивания" — это реальное общение индивидов, в котором один передает "стимулы-средства" другому, т.е. так называемая интерпсихическая (или интерпсихологическая) форма.

Теория интериоризации Выготского широко известна, и я не буду ее излагать подробно. Обращу внимание только на один момент, мимо которого проходили многие интерпретаторы теории Выготского и ее последователи.

По текстам строение интерпсихической формы можно понимать двояко. Можно понять так, что суть внешней коллективной формы поведения состоит в том, что один человек задает другому (или другим) некие опоры, с помощью которых он (или они) организуют свое поведение. В дальнейшем эти опоры становятся внутренними — либо проговариваются, либо просто мыслятся, продолжая выполнять свою основную функцию упорядочивать и организовывать поведение: "то, что делает надсмотрщик, и то, что делает раб,

соединяется в одном человеке" (Собр. соч., т. 3, с.143).

Однако в текстах Выготского на эту тему есть другой поворот мысли и другие примеры, в определенном смысле, противоположного свойства. Выготский утверждает, что опоры (стимулы-средства) вращаются в том случае, когда используются как средство обращения к другому, например, как внешнее средство управления его поведением. Я подчеркиваю, дело, оказывается не только в "принятии" от другого, но и в обращении "принятым" к нему. И это вторая сторона интерпсихической формы. - "Знак, — пишет Выготский, — всегда первоначально является средством социальной связи, средством воздействия на других, и только потом оказывается средством воздействия на себя". Афористически обобщая эту вторую грань интериоризации, Выготский пишет: "Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других" (там же, с.144). Я бы сказал, следуя мысли самого Выготского, — через то, что она адресуется другим.

Л.С. Выготский, однако, не противопоставляет две выделенные им стороны интерпсихической формы, а как бы рядопологает их.

Оба аспекта интерпсихической формы (оба составляющих ее обращения) переплетены в одном примере Выготского, который можно назвать "модельным". Это известный текст о происхождении указательного жеста (Собр. соч., т. 3, с.144).

Весь проведенный анализ имел негласным допущением представление о некой особой действенности знака. Он проводился как бы уже исходя из того, что знак "работает", т.е. что с его помощью организуется, переориентируется поведение, преодолеваются его естественно сложившиеся стереотипы, строятся новые формы и т.п.

Но почему, за счет чего это происходит? Как знак "действует" на человека? Что есть в нем такого, что не только "поворачивает", но и реформирует поведение?

На первом этапе разработки проблемы высших психических функций сам Л.С. Выготский отвечал на аналогичные вопросы следующим образом: "Само

собой разумеется, что тот или иной стимул становится психологическим орудием не в силу его физических свойств, которые используются в техническом орудии (твердость тали и пр.); в инструментальном акте используются психологические свойства внешнего явления, стимул становится психологическим орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение. Поэтому всякое орудие является непременно стимулом; если бы оно не было непременно стимулом, т.е. не обладало способностью воздействия на поведение, оно не могло бы быть и орудием. Но не всякий стимул является орудием" (курсив мой — Б.Э.; Собр. соч., т.1. с. 106-107). Итак, знак "действует" как стимул, т.е. как непосредственный побудитель — некая "промежуточная переменная" между "средой" и человеком. Но почему же добавление еще каких-то стимулов сверх тех, которые уже есть, организует поведение, а не разрушает его? Понятно, как можно таким способом дезорганизовать естественно текущие (натуральные) процессы, но совершенно непонятно, как можно таким образом нечто выстроить. Возникшее недоразумение можно снять, сказав, что эти "промежуточные стимулы" действительны в той мере, в какой даются и принимаются в функции, в значении средств, в той мере, в какой им придается это значение.

Казалось бы, сказанное достаточно просто. Но это только на первый взгляд. Значение средства именно придается. Оно не может быть свойством самой вещи (а тем более — "стимула"). Действовать с чем-то в значении средства — это значит действовать им так, как если бы это нечто было средством, тогда как "само по себе" это нечто средством может и не быть. В этом-то и состоит "культурность" и "знаковость" стимулов-средств, их неестественность. Придание значения происходит в интерпсихической форме и никак иначе не может происходить. В акте придания-принятия значения, т.е. в том, каким образом и за счет чего оно придается и принимается, скрыта вся загадка опосредствования — основной вопрос ("нерв", "болевая точка") и культурно-исторической концепции, и ее ответвления — деятельностной теории психики. Загадка не в том, как "работает" стимул, уже ставший

средством, и, конечно, не в том, как он работает до того. Вопрос в самом становлении, в строении "промежутка", где происходит преобразование стимула в средство, или, шире, — где вещь реформируется в значении. Этот "промежуток" является "местом встречи" реальной и идеальной форм. Именно здесь лежит проблема рождения субъекта действия, т.е. проблема развития, или, лучше, — развитие как проблема.

Эту загадку чувствовал и решал Д.Б. Эльконин. В своих научных дневниках он писал: "Почему знак, в противоположность орудию, направлен "внутри" и, главное, организует поведение? Если брать его натурально, то в нем нет ничего, что могло бы это делать. Почему люди бросают жребий, который организует решение, или, как кафр, ждут указания сна? Почему коготь рыси", "узелок на память" и т.д. организуют поведение? Почему внимание, да и другие процессы, при этом протекают иначе? Ведь это мистика!" (Эльконин Д., 1989, с.514-515).

По мысли Д.Б. Эльконина, знак (стимул-средство) действителен в той мере, в какой он является как бы "следом" реального действия одного человека в отношении другого (помощи, контроля и т.п.). Это подразумеваемое в знаке Действие и составляет его значение, или, во всяком случае, является центром, осью его значения. Знак в этом смысле есть лишь жест, указывающий на некоторое реальное действие. Однако "поздний" Выготский по-другому отвечал на вопрос о способе работы знака.

Обобщая ответы "позднего" Л.С. Выготского на вопрос о способе работы знака, можно сказать, что эта работа определяется его значением, т.е., в конечном итоге, тем, каким образом в знаке отражена и структурирована действительность. В этом смысле знак (наиболее развитым знаком является слово) — это нечто вроде специального аппарата, через который человек видит мир. Устройство аппарата — это и есть значение, в соответствии со структурой которого мир преломляется, в нем выделяется видимое.

Таким образом, оказывается, что знак — это уже, конечно, не "стимул" и даже не "стимул-средство", т.е. не то, что может находиться в ситуации и

непосредственно направлять поведение — переориентировать его. Это то, что отрывает от данной наглядной ситуации, "выносит" в иное, над ней находящееся содержание и преобразует структуру ситуации в соответствии с этим содержанием. Именно так строится, отличное от видимого, смысловое поле — акцентированное видимое, где что-то выявлено, а что-то, наоборот, затушевано и как бы снято.

Итак, функция значения слова, согласно Выготскому, заключается в создании смыслового поля. (Похожее психологическое образование Л.С. Выготский в работе "Орудие и знак" парадоксально называл "актуальным будущим полем" — см. Собр. соч., т.6, с.48). Остановимся и разберем этот тезис подробнее.

Простой и явный факт состоит в том, что мысль (обобщение), осуществленная в слове, содержится именно в слове, т.е. в действительности, которая сама по себе никак не связана с теми реальными обстоятельствами, в которых решается какая-то конкретная задача. Следовательно, для построения смыслового поля должна быть осуществлена "проекция" значения в реальную ситуацию. Выготский, приводя свои примеры, исходил из того, что такая проекция возможна и, более того, уже свершилась. Но ведь сама ее возможность — это большая загадка! Уже в работе "Орудие и знак" он указывал на то, что в некоторых случаях стимул-средство может увести от решения задачи, а не подвести к нему (в параграфе "Структура знаковой операции"). Но ведь к "работе" слова это замечание относится в еще большей степени, поскольку слово всегда несет собственное содержание, которое подчас может не иметь прямого касательства к условиям задачи.

Понимание Л.С. Выготским значения как обобщенного отражения действительности в сознании и выделение специфических форм и ступеней этого отражения мы рассмотрим в двух аспектах.

Во-первых, в этом положении чувствуется отход от определения знака (а значит, и слова) как специфического психологического орудия, направленного не на мир, а на самого действующего человека. Слово в нем выступает не как

средство самоизменения, а как средство понимания, а в контексте представлений о смысловом поле — как средство мысленного преобразования мира, т.е. чего-то внешнего понимающему и преобразующему.

Такой поворот мысли Выготского очень хорошо отражается в его известных опытах по исследованию строения понятий и их интерпретации. Речь всегда идет о том, какую форму обобщения имеет ребенок того или иного возраста, а не о том, с помощью каких средств один способ мысли преодолевается в другом. По способу проведения опытов и рассмотрению результатов обобщение — способ рассмотрения мира — можно понять как нечто "встроенное" в человека и функционирующее как бы "из него". Да, конечно, значения изменяются и имеют историю, но эти изменения и история представляются наподобие естественного и предопределенного хода событий, а не специальных актов, кризисов, связанных с преодолением естественного функционирования. Д.Б. Эльконин писал о том, что исследование развития понятий не выходило за пределы простой констатации (см. Выготский. Собр. соч., т.4, с.394), т.е., другими словами, были как-то нивелированы, редуцированы преимущества экспериментально-генетического метода.

Во-вторых, следствием подобного "дрейфа" исходной позиции Выготского является смещение основной проблемы, разрешаемой в теории и практике знакового опосредствования — проблемы субъекта поведения. Ведь если понятие не представлено именно как преодоление привычных и стереотипных схем рассмотрения мира, то и понимающий субъект должен представляться как-то по-иному. Либо как тот, кто уподобляет свою мысль другой, более совершенной мысли, например, взрослого человека; либо как тот, кто уподобляет мысль неким отношениям объективной реальности, перенося ее с более простых объектов на более сложные; либо как тот, кто делает и первое, и второе в той мере, в какой другой человек (взрослый) подбирает для него соответствующие объекты мысли и оформляет их в виде последовательности задач.

Третий аспект представлений Л.С. Выготского о строении слова-мысли

поражает именно тем, что существует наряду с первыми двумя. В нем Выготский снова и еще более напряженно ставит проблему субъекта — на этот раз как проблему субъекта мышления. Ключевой момент в ее постановке формулируется следующим образом: "Эта центральная идея может быть выражена в общей формуле: отношение мысли к слову есть, прежде всего, не вещь, а процесс; это отношение есть движение от мысли к слову и обратно — от слова к мысли. Это отношение предстает в свете психологического анализа как развивающийся процесс, проходящий через ряд фаз и стадий, претерпев все те изменения, которые по своим существенным признакам могут быть названы развитием... Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове" (Собр. соч., т.2, с.305). В этом контексте значение понимается как путь от мысли к слову и, следовательно, именно этот путь, а не обобщение свойств и признаков вещей, составляет "внутреннюю структуру знаковой операции" (Собр. соч., т.1, с.160).

На пути от мысли к слову есть множество скачков и несовпадений, и это, как явствует из только что приведенного высказывания Выготского, вовсе не эволюционный переход. Здесь есть несовпадения устной и письменной, внутренней и внешней речи, грамматического и психологического ударения в слове и фразе, смысла и значения и, наконец, аффекта и интеллекта.

Я не буду подробно останавливаться на всех поворотах мысли Выготского в VII главе "Мышления и речи", тем более, что и сам он лишь наметил и поставил вопросы, которые развернуто не разрешены и по сей день. Важно то, что субъект мышления (означения) понимается как тот, кто преодолевает и готовую грамматическую (языковую) схему, и схему мысли (способ обобщения). Именно это преодоление и понимается как свершение мысли, ее событие.

Понимание значения как обобщенного отражения стало лейтмотивом в построении программы исследований Харьковской группы психологов, работавших под идейным руководством А.Н.Леонтьева. Их работа переросла в

известную теорию деятельности и деятельностный подход (Леонтьев, 1975, 1981, 1983).

Программа исследований Харьковской группы строилась как критика понимания Выготским значения, но не его внутренней структуры (обобщения); как раз представление о том, что значение является обобщенным отражением действительности, осталось неизменным. А.Н.Леонтьев полагал, что Выготский не заметил (или не отметил) существования некоего особого "слоя" жизненной реальности, который лежит за значением. Этим "слоем", по Леонтьеву, и является внешняя предметная деятельность.

В программе исследовательской работы лаборатории (Леонтьев, 1983, т.1, с. 65-76) при формулировке проблемы и гипотезы, пожалуй, самое часто употребляемое слово — это предлог "за". "Таким образом, — пишет А.Н.Леонтьев, — для более полного и правильного уяснения процесса речи необходимо дальнейшее теоретическое и экспериментальное исследование, нацеленное на вопрос о том, что движет развитием значений, т.е. вопрос о том, что открывается за общением, по каким законам осуществляется переход от одного уровня развития значений к другому, высшему уровню" (там же, с.70). "Таким образом, проба анализа объяснений развития значений приводит нас к выводу о невозможности усматривать истинную причину развития в самом общении (и тем более в самом слове) и ставит нас перед задачей раскрытия того, что лежит за процессом общения и за самим словом" (с.71).

Организуемая специально деятельность и ее изменение были положены в основание нескольких серий опытов по построению дословесных, т.е. "действенных", "орудийных", "предметных" обобщений. Эти эксперименты строились как перенос способов употребления орудий (см. Запорожец, 1986, т.1, с.155-191). Было показано, что дословесные обобщения возможны и строятся, т.е. способ действия с орудием обобщается. Но вместе с тем в этих экспериментах выступили факты иного свойства. Примитивные знаковые формы включались в решение задачи с самых первых шагов по ее решению. А.В.Запорожец обратил на это внимание, однако в дальнейшем эти (и иные,

выступавшие во всех экспериментах) данные в деятельностной теории как бы не замечались.

Невозможна лучшая иллюстрация положения Л.С. Выготского о том, что знак (в данном случае — жест) есть средство перехода от естественного, импульсивного и произвольного поведения к его осмыслению. Парадокс, однако, в том, что протоколы взяты из опытов, одной из задач которых была критика представлений Л.С. Выготского о знаке и значении.

Итак, приверженцы деятельностного подхода полагали, что именно "внешнее предметное действие" — реальное столкновение с реальным миром и его реальная, практическая "обработка" — лежит в основе сознания, слова, значения, мышления и иных "внутренних" явлений и сущностей. Наиболее наглядно и последовательно этот ход мыслей был воплощен П.Я.Гальпериным в его теории интериоризации (позапного формирования умственных действий).

Представление о внешней предметной деятельности как "первичной" по отношению к значению слова и сознанию (понятому как "обобщенное отражение" реальности) было концентрированно выражено в двух фундаментальных для деятельностного подхода категориях: предметности и уподобления.

Представление об уподоблении было первоначально использовано для понимания механизма чувственного отражения (Леонтьев, 1981). А.Н.Леонтьев утверждал, что таким механизмом является уподобление движения рецепирующего органа свойствам раздражителя. Впоследствии это представление получило более широкое применение. Уподобление было понято как воссоздание в деятельности свойств (отношений) ее предмета. Именно в таком воссоздании (адекватном предмету, но не тождественном ему) строятся и образ, и понятие предмета, т.е. воссоздание предмета в деятельности является механизмом усвоения.

В значительной мере это положение касается не "естественных", а именно "культурных" предметов — предметов, в которых воплотилась

общественно-историческая практика их употребления.

Представление о предметности и уподоблении ей как механизме усвоения подвело А.Н.Леонтьева к соответствующему пониманию значения и, что для нас особенно важно, идеальной формы. В обобщающей и завершающей его теорию книге "Деятельность. Сознание. Личность" Леонтьев писал: "Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой" (1975, с.141).

Попытаемся извлечь из приведенной цитаты ответы на три важных для нас вопроса.

1. Что есть идеальная форма? Это свернутая в слове (обобщенная, видимо) предметность.

2. Что есть ее идеальная форма? Видимо, это и есть наличные свойства, связи и отношения предметного мира.

3. А что же есть сам переход от второго к первому? Это и есть преобразование и свертывание в материю языка первоначально развернутых во внешней деятельности (уподоблении) свойств, связей и отношений предметов.

Отмечу, что ответы Л.С. Выготского были бы другими. Реальная форма — это наличные и импульсивные способы реагирования на "свойства предметов", а идеальная — та идея, в которой само реагирование становится оформленным, а предметы с их свойствами начинают выступать как опоры плана будущего действия как смысловое поле. Для Выготского отношения реального и идеального не совпадали с отношениями "внешнего" как объективного и "внутреннего" как субъективного (субъективного образа объективного мира) или с близким по смыслу отношением "материального" и "идеального", где, по наиболее часто употребляющейся цитате из К.Маркса, "...

идеальное есть не что иное как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней".

Переход от внешнего воздействия к внутреннему был проработан П.Я.Гальпериным в его теории планомерного формирования умственных действий, согласно которой усвоение есть последовательное прохождение нескольких этапов: от развернутого материального, или материализованного, действия через действие в плане громкой речи к собственно "чистой мысли" и "психологическому явлению". Метод поэтапного формирования известен, поэтому я не буду останавливаться на многочисленных его тонкостях и интересных моментах. Для заданной в самом начале главы темы соотношения реальной и идеальной форм важно отметить, что на этом пути переход ко второй оказывается эволюционным. Здесь нет тех "скачков" и "переломов", на которые указывал Выготский; усвоение культуры выстроено как последовательный и постепенный переход от реального действия, с "предметным миром, его свойствами, отношениями и связями" к значению, в котором эти связи, свойства и отношения "обобщенно отражены".

Но ведь вместе с таким построением (и соответствующим описанием) теряется и центр психологии Выготского — понимание того, что же такое субъектность; теряется представление о субъектности как определенном режиме жизни — переходе между реальностью и идеей, понятыми как натуральная спонтанность и культурная оформленность! И вместо этого понимания не вводится никакого иного. Замечу, что введенная самим П.Я.Гальпериным категория субъекта поведения по смыслу близка теории Выготского. Субъект, по Гальперину, возникает "в точке" необходимости поведения при невозможности использования его готовых автоматизмов, т.е. в точке преобразования формы (способа существования) поведения. Однако это понимание никак не отразилось на его же в целом эволюционистской теории усвоения.

Итак, в деятельности концепции продолжался отчасти начатый еще Л.С. Выготским и связанный с его пониманием значения как обобщенного

отражения "дрейф" представления о субъекте поведения. Акт развития, выражающийся в преодолении натуральных форм жизни, как первое определение субъективности был "сглажен" в представлении о предметности, уподоблении, значении и переходе от действий с вещами к обобщенному отражению их сути.

Представления об усвоении как об эволюционном процессе были подвергнуты существенной ревизии в работах Д.Б. Эльконина.

В известной теории периодизации психического развития в детстве доказано, что онтогенез — это вовсе не линейный процесс усвоения культурных образцов. Д.Б. Эльконин писал, что гипотеза о периодизации "дает возможность рассмотреть процесс психического развития не как линейный, а как идущий по восходящей спирали" (1989, с.77). Существенной чертой этого процесса является ритмическая смена предметов освоения: в одних возрастных периодах это смыслы и задачи человеческой деятельности, в других — ее способы. Но отсюда следует, что теория освоения и культуры и, шире, теория освоения идеальной формы должна включать в себя в качестве необходимого и существенного момента модель перехода форм и предметов освоения.

Другим, существенным для нас следствием теории периодизации явилась новая постановка вопроса о единице развития. Полагая, что такой единицей является действие, Д.Б. Эльконин в то же время считал, что его необходимо понять как единство "операционно-технической" и "задачно-смысловой" сторон.

Критика представлений о внешнем предметном действии как уподоблении свойствам вещи развернута в работе Д.Б. Эльконина "Заметки о развитии предметных действий в раннем возрасте" (1978 а).

Д.Б. Эльконин исходил из простейшего и бесспорнейшего положения о том, что "... на предмете не написана ни его общественная функция, ни способ его рационального использования, принятый в данном обществе" (1978 а, с.6). Поэтому их невозможно непосредственно "считать" с предмета в процессе уподобления (Д.Б. Эльконин писал — "приспособления") его свойствам.

"Образец рационального способа дает ребенку взрослый, — писал Д.Б. Эльконин, — он в совместной деятельности с ребенком изменяет положение руки ребенка, и ребенок приспосабливается не к физическим свойствам предмета, а включает предмет в образец его правильного использования. Таким образом, кажущееся приспособление движений ребенка к физическим свойствам орудия в действительности является опосредованным через образец действия, в который и включается орудие". Включение операций с предметом в даваемый другим человеком образец выглядит как "раздвоенное поведение" ребенка. Описывая наблюдения за тем, как ребенок осваивает предметные действия, Д.Б. Эльконин констатирует: "Его поведение...производит впечатление раздвоенного: с одной стороны, он был занят предметом и действием с ним, с другой — взрослым, ради выполнения поручения которого и поощрения он производил действие" (там же, с.8).

С примерами "раздвоенного поведения" мы уже сталкивались, когда приводили выдержки из экспериментов А.В.Запорожца, посвященные этой же теме. И в наблюдениях Д.Б. Эльконина и в экспериментах А.В.Запорожца внешнее предметное действие — реальная манипуляция реальными вещами — никогда не выступало как самодостаточное, равное самому себе поведение. Эти манипуляции в то же самое время оказывались жестами, обращениями к Другому человеку, который находился рядом и являл для ребенка "то, как надо", "то, как правильно", т.е. образцы верного действия — являл смысл и значение действий ребенка, т.е. их идеальную форму.

И тут мы приходим к парадоксальному для теории деятельности заключению о том, что, реальная и идеальная формы и становлении предметного действия существуют одновременно. Действуя, человек самым этим актом обращается к другому — носителю идеи действия. Представление же о специально организованном уподоблении свойствам объекта фиксирует не начало, не переходную форму и не акт развития, а ситуацию, когда шаг развития уже свершен; человеку уже подставлен "нужный" объект, он уже поставлен в "нужные" условия и силою самих этих условий будет действовать

в "нужном" направлении. Л.С. Выготский в своей конструкции опосредствования, а также А.В.Запорожец и Д.Б. Эльконин в своих наблюдениях фиксировали не эту, а "предшествующую" ситуацию, ситуацию самой "постановки нужного". Да и А.Н.Леонтьев в своих экспериментах (а не их теоретическом осмыслении) задавал именно ее. Более того, в главе о возникновении сознания из знаменитого "Очерка развития психики" он вводил индивидуальное действие и его предмет через противопоставление действия одного человека общему, коллективному (1981, с.281-283), т.е. тем самым представлял действие не просто как изменение объекта, а самое это изменение представлял как отношение к иному.

Итак, представление об идеальной форме лишь как об абстракте ("отвлеченной вещи", "обобщенном отражении") подводит к представлению о реальной форме как об уже организованном или уже случившемся уподоблении "реальному эквиваленту" этой отвлеченной вещи (предметности), что выводит исследователя как из области феноменов развития, так и из области понимания субъектной формы этих феноменов.

Вместе с тем, на мой взгляд, было бы неправильно ограничиваться только критикой деятельностной концепции, недооценивая роль ее ядерной интуиции — внешнего действия — именно в той ситуации развития, которую фиксировал и осмыслял Л.С. Выготский. Именно в деятельностном подходе имплицитно содержится очень важное добавление к пониманию идеальной формы, позволяющее более полно представить акт развития.

Л.С. Выготский и все его последователи молчаливо допускали, что идеальная форма существует в виде образов совершенных ("правильных") способов (образцов) поведения человека. Всякое осуществление этих способов в реальных ("материальных") условиях и действиях — это уже не идеальное. Однако же в виде предметных условий и средств испытуемым "подставлялись" условия и средства именно правильного ("нужного", "хорошего", "лучшего, чем было") действия. Данные условия и обстоятельства характеризуют именно идеальную форму существования действия (поведения), если ее понимать не

как отвлеченную, абстрагированную и головную, а как более совершенную, развитую и осмысленную. Наличную же форму характеризуют те натуральные, естественно сложившиеся стереотипы поведения, на которые указывал Л.С. Выготский как на объект преодоления и которые были оставлены "за кадром" Л.Н.Леонтьевым и П.Я.Гальпериным: "не доискиваясь" до этой наличности, они строили и оставляли свои конструкции в пределах как бы уже возникшей идеальной формы.

Между тем в приведенной выше трактовке понятие идеальной формы выступает полнее и богаче, чем у Л.С. Выготского: в него входит не только сама идея, но и условия осуществления именно ее, этой идеи, идеальную форму характеризует соотношение между идеей и условиями ее осуществления. В этом контексте идеальная форма предстает не как отдельность ("вещь"), а как поле, "силовыми линиями" которого являются отношения между содержанием идеи и теми обстоятельствами, в которых она полно реализуется, т.е. отношения между идеей и ее "средой", ее предметами, ее по выражению П.Флоренского, "этостью" (1990, т.2, с.297). Идеальная форма, понятая таким образом, никогда не может быть данностью. По своему существу она всегда задана и проблемна. В этом смысле собственная проблема идеальной формы есть та ее сущность, которая не существует иначе, чем как проблема.

Именно потому, что идеальная форма — это одновременность двух искомых, поведение людей в момент освоения новых образцов выглядит и является раздвоенным. Они попадают в ситуацию необходимости осуществления обращенного ("говорящего") действия, в котором опробование обстоятельств завершается и разрешается не в их преобразовании, а, например, в реплике взрослого, который является "носителем образцов"; попытки подражания образцу завершаются и разрешаются не в нем самом, а в преобразовании реальных обстоятельств. К такому выводу нас подводит сопоставление культурно-исторической и деятельностной концепций.

Чтобы в дальнейшем избежать путаницы, я несколько изменю терминологию. Собственно идеальной формой буду называть отношение идеи

и ее предметности, т.е. выраженную, воплощенную идею. Соответственно, элементы идеальной формы буду называть идеей и ее реализацией.

До сих пор мы двигались в содержании культурно-исторической и деятельностной теорий, имея в виду в качестве фона одно, вроде бы бесспорное, но на самом деле не очевидное положение о том, что идея является необходимым условием поведения, т.е. так или иначе должна в нем присутствовать. Теперь нам предстоит понять, почему и зачем она должна присутствовать. Для этого нам придется заново проиграть ситуацию опосредствования и найти в ней необходимое место идеи.

Если относительно необходимости "присутствия" идеи в действии могут быть какие-то сомнения, то относительно необходимости образа, ориентирующего действие, таких сомнений ни у кого не возникает. Вне образа действие слепо. Представим себе существо, которое видит и вообще как-либо ощущает только то пространство, которое само занимает — существо, у которого полностью отсутствует избыток видения. Ясно, что оно способно только на реагирование по схеме "8-К".

Этот пример приведен для иллюстрации основной функции образа — открытия пространства возможностей действия ("поля образа", по П.Я.Гальперину). Вопрос, однако же, в том, посредством чего открывается пространство возможностей. Если этот вопрос не задается, то тем самым Допускается, что открытие этого пространства происходит естественно и непосредственно.

По Л.С. Выготскому, пространство возможностей (поле образа) задается посредством знака, и этот знак (например, карта местности или указательный жест другого человека) служит своеобразным "экраном", на котором отображается ход реально выполняемого действия. Подобный "экран" является точкой отсчета для действия; лишь относительно него действующий может определить свое место в пространстве и, в конечном счете, определить, действует и движется ли он вообще, результативны ли его усилия, т.е. соответствует ли им некое реальное изменение ситуации. Вне подобных точек

отсчета мера результативности усилия неопределима (невозможно, например, отличить ходьбу от шагания на месте). Этот же "экран" является критерием и мерой единства действия или движения — лишь относительно него мы можем определить, продолжается ли действие, заканчивается ли оно или начинается другое. В этом смысле "экран" удерживает (со-держит) действие, является его формой.

Первоначально, по Л.С. Выготскому, такими "экранами" являются другие люди, затем знаки и, в конечном счете, это могут быть некие вещи или свойства самой предметной ситуации.

Итак, первый аспект ориентировки действия — это создание, образно говоря, его "зеркала", т.е. отображение (экранирование) процесса действия в особое пространство, относительно которого выступают возможности и ограничения построения действия в наличной ситуации.

Условием действенности "экрана" является соотнесенность отображения и отображаемого. В противном случае это вовсе не "зеркало", а лишь некий предмет, имеющий свое содержание. То, что из наличной ситуации (реалии) отображается в знаке, подчас и называется его значением. И здесь мы подходим к пониманию места идеи действия.

То, что отображено в знаке, является результатом не договора о связи между ним и реальными вещами, а определенного действия — видения наличной ситуации с определенной позиции. Причем не просто видения, а определенного способа видения. Его определенность том, что нечто в ситуации акцентируется, а нечто, наоборот, "затушевывается", снимается. Например, топографическая или иная карта — это не просто состав и отношения особенностей местности, а результат рассматривания ее с "птичьего полета", характеризующегося определенной разрешающей способностью, т.е. что-то фиксирующего, а чего-то не различающего.

Положительное определение позиции и способа видения наличной ситуации действия и есть определение его идеи. Идея — это то, что ("какой взгляд на мир") реализуется в ориентировке действия; она всегда и необходимо

явно или неявно присутствует в построении и выполнении действия. Именно идея (содержание позиции) является основанием "экранирования" хода действия и, следовательно, основанием создания образа ситуации (пространства возможностей действия). Пространство возможностей — это всегда смысловое, а не лишь перцептивное поле.

Итак, продуктом позиционного действия (способа рассмотрения вещей) является удерживание условной позиции в фактической. И именно в этом состоит трудность построения и использования "экрана". В нашем примере с топографической картой это значит: реально находясь на местности, видеть ее как бы с "птичьего полета". Понятно, что при этом должно происходить не просто выделение чего-то нового (доселе невидимого), но и невыделение ("невидение") того, что раньше было очень отчетливо видно и даже "было в глаза". В этом смысле подлинное позиционное действие составляют два одновременных и противоположных акта. Лишь в этом случае сложится позиция — рассмотрение чего-то вместе с границей этого рассмотрения.

Последний аспект "работы" идеи связан с превращением, радикальным изменением и даже преодолением наличных функциональных органов (в нашем случае органов видения) происходит встреча реальности и идеи, т.е. строится идеальная (совершенная) форма действия. И лишь в этом случае можно говорить о субъектности действующего и его развитии.

Так, в исследованиях П.Я.Гальперина наиболее полно представлен второй аспект — отображение действия в особой знаково-образной системе. В уже упоминавшихся исследованиях Д.Б. Эльконина представлен первый аспект — позиция. В известных исследованиях А.Н.Леонтьева по формированию чувствительности и звуковысотного слуха — третий аспект — построение новых функциональных органов. Особенно ярко и явно этот третий аспект выступил в работах А.В.Запорожца по исследованию ощущения собственного действия (Запорожец, 1986, т.2, с.25-47; Леонтьев, Запорожец, 1945, с.83-149).

Нам осталось сделать завершающий и самый ответственный шаг — по представленным материалам и их анализу задать полное понимание отношения

реальной и идеальной форм.

* Уверенно можно констатировать, что идея имеет не "вещную" (или "квазивещную"), а действительную форму (в использованном мной примере — взгляд с определенной позиции) и включает в себя действующего — субъекта; способ действия (в нашем примере — разрешающую способность "глаза" существа, летящего над местностью); продукт действия — то, что охватывается "взглядом" субъекта.

* Идеальное действие является продуктивным лишь в той степени, в какой существует и производится не само по себе, не отдельно, а в отношении к другому действию (в моем примере — действию того, кто прокладывает маршрут на местности). Субъект этого реального действия со своего фактического места должен удерживать и утверждать иную точку зрения и сукцессивно ("по частям") воссоздавать (или преобразовывать) иной "взгляд" и образ, который теперь для него выступает как пространство возможностей действия. Именно сопряженность двух этих действий является условием произвольного, субъектного совершения каждого из них.

* "Ареной встречи" (выражаясь словами А.Ф.Лосева) двух указанных действий, "местом" их сопряжения является знак (в нашем примере — карта местности). В знаке удерживается соотношение этих действий, посредством знака оно может быть воссоздано.

Здесь целесообразно вернуться к приведенному ранее решению Д.Б. Элькониним загадки знака и значения. Да, действительно, знак — это Напоминание о другом человеке, но не просто о другом человеке и его действии, а о той позиции, с которой совершается его действие, — о его образе моего действия. Здесь же уместно сказать о том, что значение в школе Л.С. Выготского понималось неполно и односторонне — лишь как отражение реалии, возникающее из действия с этой реалией, но не как отображение иной позиции. Такое значение может существовать лишь как "эмпирическое обобщение" (Давыдов, 1972, 1986).

Все сказанное относится лишь к той ситуации, в которой знак и значение

порождаются или воссоздаются, т.е. культуросозидающему, а не "культуропотребительному" действию. В нашем примере — к созданию карты (картографии), а не лишь к употреблению ее, уже готовой и понятой.

В готовом знаке отношение действий не удерживается и не воссоздается, а, наоборот, снимается. В употреблении необходимы определенные автоматизмы, а не бесконечные и вечные свершения и. открытия. Однако же такой "привычный" знак, создающий презумпцию "уже понятности" новой ситуации, и является основным "носителем" несубъектности поведения, провоцируя привычное функционирование в ситуации, где он уже не подходит, поскольку не подходит то снятое и забытое идеальное действие, которое определило его "разрешающую способность". Именно поэтому такой знак и такое действие могут служить моделью акта развития, субъектности и идеальной формы. Такой моделью может быть только культуросозидательное действие.

Попытаюсь внести большую смысловую ясность в отношении терминов "идеальная форма" и "реальная форма". Уже было сказано, что после работ, выполненных в русле деятельностного подхода, и введения представления о предметности само реальное (фактическое, наблюдаемое) действие нельзя противопоставить идеальному, если последнее понимать не как абстракцию, а как совершенство. Было сказано также, что идеальная форма, понятая как совершенная, есть не сама по себе идея, а отношение (согласованность) идеи и ее реалии, т.е., другими словами, выраженность идеи в совершенной реалии. В последних тезисах показано, в чем состоит эта согласованность и когда она разрушается (в презумпции "готовности" значения и понятности ситуации). Вот эта нарушенная и разрушенная структура значения и была тем образованием, которое Выготский называл реальной формой. На мой взгляд, ее лучше назвать наличной формой поведения и противопоставить совершенной форме поведения, понимая под совершенством то соотношение идеи и реалии, которое было только что разобрано.

Опираясь на весь проведенный анализ, остается сказать, что из личной

формы не может быть "выведена" совершенная. Последняя является не продолжением и усовершенствованием первой, а преобразованием личности, и в этом смысле — событием.